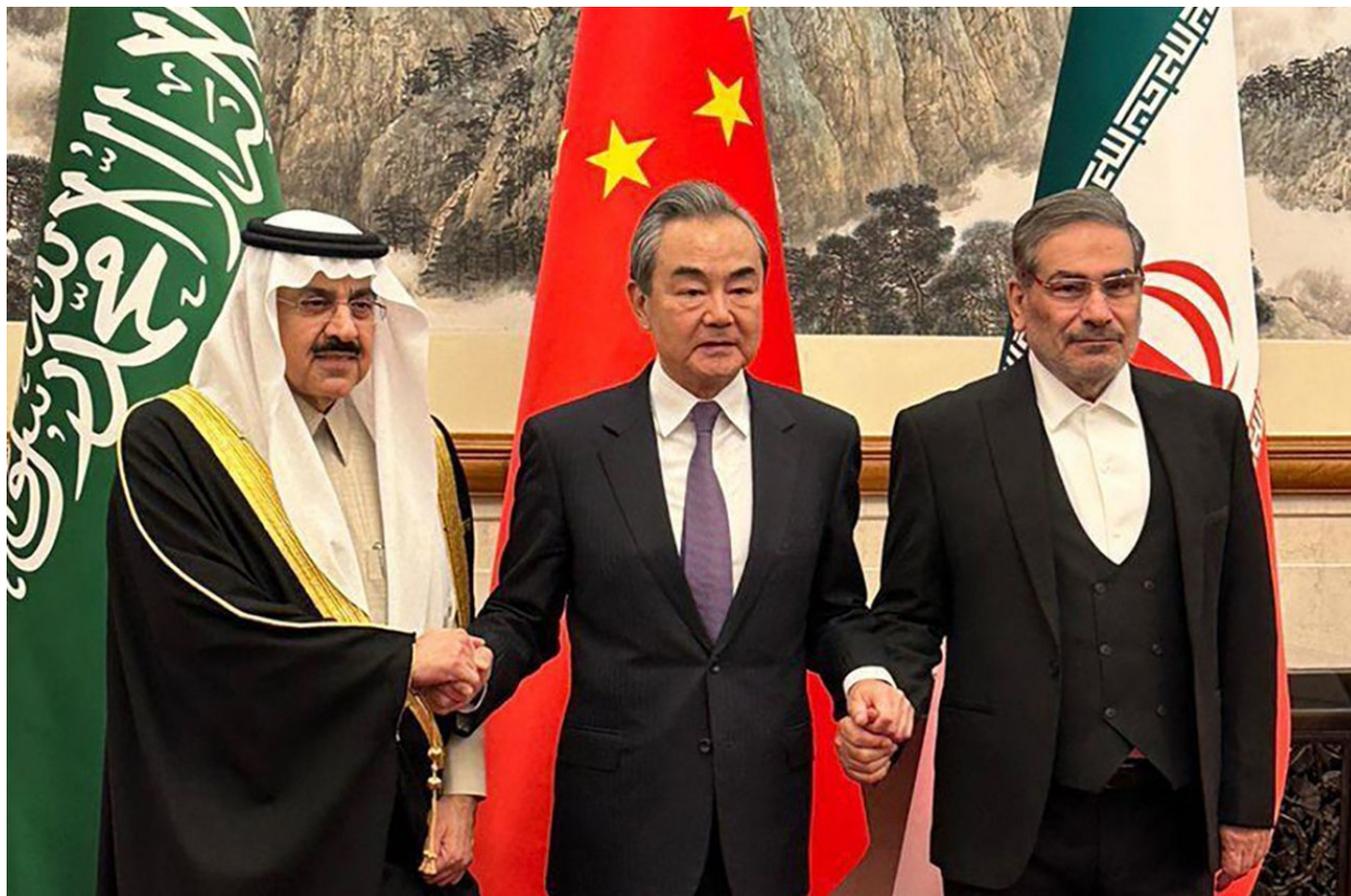

17.03.23

РАСТЕТ ЛИ РОЛЬ КИТАЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ?

ОБЗОР БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ 6 — 17 МАРТА

За 2000-2010-е годы КНР значительно увеличила своё экономическое присутствие на Ближнем Востоке. Однако долгое время Пекин стремился не использовать его в политических целях. Примирение КСА и Ирана при посредничестве КНР ознаменовало изменение данной стратегии. Стратегия Китая эволюционирует согласно требованиям времени. На фоне обострения конкуренции с США и роста глобальной нестабильности Пекин решил действовать проактивно с целью снижения рисков для своей экономики и энергетики. В будущем вовлечённость Китая в ближневосточную политику будет только расти, что со временем может потребовать и установления прямого военного присутствия.

10 марта стало известно, что Саудовская Аравия и Иран договорились о восстановлении отношений, разорванных в 2016 году. На фоне постоянных проблем в саудовско-иранских переговорах эта новость привлекла значительно внимание СМИ и экспертов, однако ещё большей неожиданностью стало посредничество Китая.

Экономическая роль КНР

Китай обладает значимым экономическим присутствием на Ближнем Востоке. За 2010-е годы Пекин сумел стать ключевым торговым партнёром для всех арабских стран Персидского залива, Ирана и Ирака. На фоне роста внутреннего энергопотребления и сокращения собственных энергоресурсов КНР также значительно нарастила импорт нефти: с 2010 по 2020 год он вырос **более чем в два раза**, причём более всего импорт Китай нарастил из стран Персидского Залива. В 2021 году в топ-10 стран, из которых КНР импортирует нефть, **вошли** Саудовская Аравия, Ирак, Оман, Кувейт и ОАЭ, причём Саудовская Аравия занимает первое место.

Китайские строительные и инвестиционные компании стремительно увеличивали своё присутствие в странах региона, особенно в последние годы. Так, китайские компании **предоставили** основные средства для строительства Новой административной столицы Египта. КНР также **активно инвестирует** в транспортную инфраструктуру в рамках Инициативы пояса и пути (ИПП): согласно данным Фуданьского университета, в 2021 году китайские инвестиции в страны Ближнего Востока в рамках ИПП выросли на 360%, а участие КНР в строительных работах – на 116%. Китайские технологические компании также **стали получать** крупные контракты, например, технологический гигант Huawei и компания, создающая технологии для беспилотных автомобилей AutoX, а саудовские университеты – развивать сотрудничество в сфере технологий с китайскими.

В 2016 году правительство Китая **опубликовало** Стратегию в отношении арабских стран (China's Arab Policy Paper), в которой описывались интересы страны в Арабском мире и в целом на Ближнем Востоке. Среди них **можно выделить** энергетические, торгово-экономические и интересы безопасности. Китай заинтересован в стабильных энергопоставках из стран Персидского залива, развитии сотрудничества в сфере инфраструктуры, инвестиций, торговли и финансов. Что касается политических интересов, то КНР стремится сдержать появление в регионе каких-либо антикитайских сил, а также сохранить поддержку арабских стран в отношении принципа «одного Китая». В целом же КНР заинтересована в мирном и стабильном экономическом развитии Ближнего Востока.

Тем не менее до настоящего времени Китай не стремился активно использовать своё экономическое присутствие с целью формирования мирного будущего на Ближнем Востоке. Вследствие этого среди арабских стран, уставших бороться с последствиями американских экспериментов по установлению мира на Ближнем Востоке, все активнее раздавались призывы к Пекину включиться в политическое развитие региона. Западные страны также призывали КНР выступить в качестве «ответственного» игрока и занять более активную позицию. Открытие военно-морской базы в Джибути в 2016 году могло показаться исключением из этого правила, однако основная цель её создания также была связана с экономическими и энергетическими интересами КНР: через находящийся по соседству Баб-эль-Мандебский пролив проходят торговые пути, связывающие Китай и Европу – один из главных экспортных рынков Поднебесной.

В Китае **считали**, что теория о необходимости брать больше ответственности за безопасность в регионе является не более чем попыткой западных стран увеличить издержки китайского экономического роста, а также спровоцировать возмущение в мировом сообществе. Наоборот, изучая опыт присутствия других великих держав на

Ближнем Востоке, в КНР пришли к выводу, что регион со временем становится для них значительным бременем. Видя, как США не смогли решить многочисленные проблемы региона, в Пекине стремятся не использовать политические и тем более военные инструменты для защиты своих экономических интересов, так как опасаются утратить свою нейтральную позицию и нанести ущерб своей мягкой силе, а также стать целью террористических организаций.

Ближневосточную политику КНР рассматривает в рамках своей глобальной стратегии: продолжение экономического роста и снижение напряжённости в отношениях с Западом является главным приоритетом, вследствие чего Пекин стремится не создавать дополнительных точек напряжённости в отношениях с США. В связи с этим в Пекине понимают, что США рассматривают регион как свою историческую зону влияния и потому стремятся действовать лишь экономическими методами. Однако в прошлом году в ходе саммита «Китай – Арабский мир», состоявшегося в Эр-Рияде, между Саудовской Аравией и КНР были заключены соглашения о сотрудничестве в технологической сфере (например, **Стратегическое партнерство по цифровой экономике**), что, как показывает опыт последних лет, уже является чувствительной сферой для США. Однако красной линией для Вашингтона, по мнению китайских экспертов, является развитие военного сотрудничества: конкуренции с Китаем в этой сфере Вашингтон не потерпит.

КНР и США на Ближнем Востоке

Несмотря на попытки КНР избежать напряженности, китайские эксперты **указывали** на неизбежность столкновения американо-китайских интересов на Ближнем Востоке на фоне быстрого роста китайско-арабского сотрудничества во многих сферах. Если ранее интересы Китая и США на Ближнем Востоке были комплементарны – США фокусировались на вопросах безопасности, а Китай на экономических интересах – то в последние годы они становятся все более схожими: «в области технических стандартов, доступа на рынки и вопросов экологии промышленности конкуренция США и Китая [...] движется в сторону игры с нулевой суммой», **заявляет** Нью Синьчунь, директор Института ближневосточных исследований Китайского института современных международных отношений.

Китайское посредничество между Саудовской Аравией и Ираном, таким образом, неминуемо рассматривается обеими сторонами в контексте общей глобальной конкуренции, тем более что это затрагивает вопросы безопасности, а не экономики. Экспертное сообщество с большей тревогой восприняло новость о возросшей роли КНР в Персидском заливе, а некоторые специалисты даже **назвали** сотрудничество Эр-Рияда с Пекином «плевком в лицо США».

Тем не менее, подобные действия КНР закономерны, если анализировать, как нынешние тенденции развития международных отношений в Персидском заливе соотносятся с интересами КНР. С 2022 года США стремятся создать на базе Соглашений Авраама антииранскую коалицию арабских стран и Израиля, направленную против Ирана. В её основе должна была лежать совместная система **ПВО-ПРО**, направленная на сдерживание иранской угрозы. Таким образом, в основу системы безопасности в регионе закладывалась конфронтационная идея, направленная против одного из значимых игроков в регионе. Это в перспективе ставило под угрозу стабильность энергопоставок из Персидского залива в Китай, а

также экономическое развитие арабских монархий, одним из главных бенефициаров которого являются китайские компании. Перспективы саудовско-иранского примирения в то же время значительно снижают риски военной эскалации на Ближнем Востоке, а значит, и риски для китайской экономики.

На фоне обострения американо-китайских противоречий в 2022 году КНР решила, наконец, начать использовать своё экономическое влияние в политических целях. В докладе Си Цзиньпина на XX съезде КПК, прошедшем в октябре 2022 года, делался значительный акцент на необходимости управления рисками во внешней политике. Используя характерные китайскому политическому дискурсу метафоры, лидер КНР предупреждал о необходимости готовиться не к «непогоде», а к «шторму». Новый период развития КНР **был назван** «сочетанием стратегических возможностей рисков и вызовов при росте неопределённых и трудно предсказуемых факторов». Таким образом, саудовско-иранское примирение способствовало снижению неопределённости в одном из регионов мира, важном для китайского роста.

Стратегия Китая, таким образом, эволюционирует согласно требованиям времени. Если раньше КНР не стремилась громко заявлять о своём присутствии и действовала лишь экономическими методами, то теперь в Пекине увидели необходимость более активного вовлечения в дела региона, в первую очередь ради сохранения этих экономических интересов. Китайские эксперты сходятся во мнении, что уровень вовлечённости КНР в ближневосточные вопросы в будущем **будет расти**. Со временем это может потребовать и установления прямого военного присутствия в регионе, необходимого для защиты энергетических, инвестиционных и торгово-экономических интересов Поднебесной.

*Источник: **Растет ли роль Китая на Ближнем Востоке?***

ОБ АВТОРЕ

Артем Адрианов

Исследователь ИМИ МГИМО

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Ближний Восток, Северная Африка

Область экспертизы: Специалист по арабским государствам Персидского залива.

Профессиональный опыт: Выпускник МГИМО МИД России (программа «Международное гуманитарное сотрудничество и внешние связи регионов»).

